

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI 10.17223/19986645/36/15

ОБЛАГОРАЖИВАЮЩИЙ ВКУС МЕТАФОР

Рецензия на книгу: Юрина Е.А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. — Кокчетав: Келешек, 2013. — 238 с.

Монография посвящена исследованию реализации кулинарной метафоры в образном строе языка и её функционированию в современных дискурсивных практиках. Освещаются лексико-семантический, когнитивно-дискурсивный, лингвокультурологический и лексико-графический аспекты изучения образной лексики и фразеологии, характеризующей различные сферы действительности по аналогии со сферой еды и гастрономической деятельностью. Рассматриваются образные поля и лексико-фразеологические парадигмы, выражающие кулинарные образы, с точки зрения их структуры и участия в процессах коммуникации и миромоделирования.

Для специалистов по лексикологии и фразеологии, семантике, лингвокультурологии,

лексикографии; для преподавателей, аспирантов и студентов филологических факультетов, всех, кого интересует эстетическая сфера языка.

В начале III в. н. э. Филострат Флавий Старший в жизнеописании Аполлония Тианского со всей определенностью указал на продуктивный характер воображения, с которым он связывал способность создавать то, до чего человек доходит своим умом, полагаясь на то, что уже существует: «Подражание может изобразить только зримое, а воображение – и незримое, ибо создает свои образы, перенося их с того, что действительно существует» [1. С. 247–248]. С тех пор ни одна концепция воображения, в том числе и лингвистическая, не обходится без учета его деятельностной природы.

Продуктивный характер воображения усматривается прежде всего в том, что оно поставляет необходимый материал мышлению и этот материал не есть простое воспроизведение свойств предмета, а некоторая его интерпретация, зачастую весьма отличающаяся от наличных свойств представляемого.

Более того, если воображение «не сводит к способности вызывать в уме образы, попросту повторяющие непосредственно воспринимаемый мир» [2. С. 69] и ставить ему в заслугу возможность образования новых сочетаний

пробуждаемых идей¹, то в его процедурной функции создания представлений и их свободного комбинирования угадывается деятельностный характер самого языка, преобразующего ощущения «в то, во что они оканчиваются» (Плотин; цит. по: [4. С. 10]), т.е. в языковые образы, представления, понятия, а также в совокупности понятий. Именно подчеркивая психичность языка, его подчиненность познавательным процессам (мышлению, воображению, памяти и т.д.), В. фон Гумбольдт предложил видеть в нем «дополнение» мысли, имея в виду, что язык «возвышает до ясных понятий впечатления от внешнего мира и смутные еще внутренние ощущения, а из связи этих понятий производит новые» [5. С. 305].

Действие языковых законов аналогии как правил и механизмов, обеспечивающих порождение и связывание знаков и идей, свидетельствует о фигуральности, образности самого мышления, которое по своей готовности манипулировать образами и (вос)создавать их как раз и рассматривается в качестве операциональной основы творческого воображения². Язык в таком случае является средством доступа к исследованию того, «какими путями мы обычно понимаем сами себя и окружающий мир» [7. С. 454]. Не случайно основоположник языкознания В. фон Гумбольдт, указывая на то, что познание осуществляется по закону человеческого мышления, видел совершенство языка в его приближенности к мысли, в доведении до звукового оформления актов мыслительной деятельности, среди которых особое место занимает акт «самостоятельного полагания», т.е. создания чего-либо нового, через соединение (синтез) [5. С. 198]. По мысли Гумбольдта, акт полагания в полной мере проявляет себя в построении предложений, в образовании производных слов и в любом сочетании понятия со звуком³ (в том числе и в таком синтезе, который зиждется на переносе имени с одного означаемого на другое по усматриваемому в них сходству). При этом каждый язык может различаться по доминированию и по характеру совмещения техник образного представления мысли, подчиняющихся двум основным принципам означивания: объективному принципу обозначения, или восприимчивости, и субъективному принципу логического подразделения, или самостоятельности⁴ [Там же. С. 119], что в аспекте лингвистической типологии позволяет говорить о своеобразии языков как форм мысли⁵. В этом контексте актуальный интерес к таким сред-

¹ См. одно из определений воображения, данное Э.Б. де Кондильяком: «[воображение] действие, которое, пробуждая идеи, постоянно образует по нашей воле новые сочетания этих идей» [3. С. 119].

² О соотношении категорий воображения и мышления см. [6].

³ Позднее А.А. Потебня так охарактеризовал процесс соединения звучания и значения, учитывая фундаментальный характер метафоры как основы образного языка: «действие мысли в возникающем слове есть сравнение двух мысленных комплексов, вновь познаваемого (X) и прежде познанного (A) посредством представления (a), как *tertium comparationis*» [8. С. 301].

⁴ С точки зрения объективного принципа обозначения в языке звукового оформления достигают впечатления и понятия; с точки зрения субъективного принципа логического подразделения до звукового образования доводится аспект рассмотрения номинируемого впечатления и понятия; представленность этих принципов, а также наличие особых средств их выражения, способов соединения и совмещения задает своеобразие каждому языку (семье, группе языков).

⁵ Если следовать рассуждениям Гумбольдта, то во флективных языках типа русского процесс создания образа в качестве руководящего, естественного языкового синтеза предполагает взаимодействие «восприимчивости» и «самостоятельности» – сочетания обозначения понятия с указанием на категорию, в которую это понятие переводится. В этом плане классификация механизмов воображения, известная в общей и когнитивной психологии, могла бы быть дополнена языковым измерением.

ствам образности, как метафора, метонимия, синекдоха, не ограничивается соображениями исключительно стилистического описания. Как ранее, так и в настоящий момент не меньшее значение имеет когнитивная традиция в истолковании и рассмотрении образности, берущая свое начало в риторических трактатах Аристотеля, Деметрия и Псевдо-Лонгина. В них переносный характер языковых представлений ставится в зависимость от тропеичности самой мысли, в частности от ее способности (если брать в расчет прежде всего механизмы создания метафорических представлений) устанавливать концептуальные отношения либо по аналогии, либо между категориями (род вместо вида, вид вместо рода, вид вместо вида) и в этом качестве служить одним из методов познания и представления истины. Тем не менее когнитивную сторону языковой образности в полной мере стали изучать в XX–XXI вв.¹ И теперь вряд ли можно встретить ученого, для которого утверждение К. Бёрка о том, что «метафора – это приспособление для видения чего-либо в терминах чего-либо еще» [9. С. 503], будет воспринято как оригинальное мнение, требующее эмпирической аргументации.

Важно также отметить, что творческое воображение – это не только достояние поэтов, как полагал П. Шелли, называя поэта «непризнанным законодателем мира». К нему прибегают все члены языкового коллектива, а деятельность воображения проявляет себя как в повседневности, так и в самых разнообразных сферах специфического познания, включая науку и делопроизводство. И если посмотреть на язык как на особую символическую форму когниции, то следует признать поэтов в каждом из нас и по нашей способности создавать языковые проекции фигуральной мысли (в том числе и метафорические представления), и по нашей способности их понимать и использовать вслед за кем-либо для собственных целей (при этом образное понимание и употребление языка могут быть настолько автоматичными, что рядовые носители языка могут и не осознавать их символическую природу). На этом фоне работы, выполненные в русле изучения образного миромоделирования, семиотической концептуализации и метафорических способов познания мира, имеют достаточно надежную аргументативную и методологическую базу, и каждое новое исследование лишь подтверждает тезис о прочной связи языка и мышления, раскрывая новые грани в этой проблематике.

Несмотря на первоначальное недоверие к метафоре и на ограничение сферы ее уместного применения областью свободных искусств (прежде всего – сферами риторики и поэзии), в настоящее время отношение к ней во многом пересмотрено. Это с очевидностью свидетельствует об устойчивом преобладании той традиции, в соответствии с которой, если воспользоваться авторитетным мнением Дж. Вико, метафора – «самый блестящий... самый необходимый и самый употребительный» троп, без которого мышление было бы более «грубым», а познание менее очеловеченным [10. С. 146–147]. Следствием данной тенденции стало то обстоятельство, что явления языкового подобию оказались весьма удобными и востребованными для изучения и описания закономерностей существования языка и речемыслительной деятель-

¹ См., например, работы Дж. Лакоффа, М. Джонсона, А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова, А.П. Чудинова и др., к которым отсылает автор рецензируемой монографии.

ности в такой надсистеме, как человеческая когнития. Поэтому значение исследований по теории метафоры не потеряло своей актуальности и в свете новой, когнитивной, парадигмы приблизилось к задачам, связанным с детальным изучением разнообразных кодов нерассудочного, интуитивного постижения универсума, с осмыслением тех аспектов бытия, в которых человек, обходясь без точных знаний, жестких определений и однозначных выражений, движем (а иногда и довольствуется) установлением сходств и подобию (в которых *homo non intelligendo fit omnia*¹).

Несомненно, монографическое исследование моей томской коллеги Е.А. Юриной вписывается в идеологию когнитивного изучения метафоры хотя бы потому, что делает достойными наблюдения и анализа факты постижения универсума через перенос на него аспектов человеческой витальности и – уже – пищевых предпочтений, кулинарных традиций, а также обычаев приготовления, принятия пищи и связанных с ней свойств, физиологических процессов, ощущений – всего того, что автор называет *кулинарным (пищевым, гастрономическим, глоттоническим) культурным кодом*.

Характеризуя кулинарную сферу как одну из наиболее активных в плане метафорической экспансии во многих языках, включая русский, Е.А. Юрина подтверждает через рассмотрение отдельного фрагмента русской языковой картины мира один из базовых постулатов культурной антропологии, несколько иронично обозначенный Дж. Вико формулой «Человек незнающий делает себя правилом Вселенной» [Там же]. При этом заслуживают одобрения усилия исследователя, направленные на планомерное и весьма подробное описание такого участка образного строя русского языка, который ограничен метафоризацией исходного мегаконцепта «Еда / Пища» как сложно организованного комплексного представления, проецирующегося на широкий круг явлений внеязыковой действительности, связанных с кулинарией, и проявляющегося в различных классах образных единиц (языковых метафорах, собственно образных словах, образных средствах фразеологического уровня, двухкомпонентных номинациях и генитивных метафорах), что и отражено в содержании и порядке расположения глав рецензируемой работы.

В первой главе «Кулинарная метафора в образном строе языка» автор вводит категориально-методологический аппарат научного описания образной системы языка, совмещающего в себе установки *семасиологической теории образности* и *когнитивной теории метафоры*. Исходя из определенных автором ориентиров, образность – это свойство не только единиц языка, но и мышления. И, как таковое, оно может быть изучено методами лингвистического и когнитивного моделирования, включающего в себя *образные лексико-фразеологические поля* и *мотивационно-образные парадигмы*, а также *когнитивные метафорические модели* и *концептуальные структуры сценарного типа*, лежащие в глубинной семантике единиц образного поля языка.

Структурно-полевой подход обусловил выбор комплексных единиц для представления образной системы кулинарных метафор, из которых интегрально-идеографической единицей выступает образное лексико-фразеологическое поле «Еда / Пища» (далее – ОЛФП «Еда / Пища»), а основ-

¹ Человек, не разумея, творит всё.

ной – мотивационно-образная парадигма (далее – МОП) как некоторый аналог лексического гнезда, отличающийся от последнего лексико-фразеологическим составом и ограниченный темой общего компонента (его принадлежностью мегаконцепту «Еда / Пища»), а также характером его переноса (метафора) в сферу вторичных номинаций.

По мнению автора, ОЛФП «Еда/ Пища» может быть рассмотрено в качестве совокупности различных МОП, а также истолковано в единстве и раздельности трех аспектов представления единиц образной системы – с точки зрения исходного мотивирующего поля, образного метафорического поля и поля образной референции. Иными словами, являя собой совокупности МОП как «объединений мотивационно-связанных слов и выражений, непосредственно или опосредованно мотивированных одной исходной мотивирующей лексической единицей и эксплицирующих общий метафорический образ или ряд образов» [11. С. 38], образное поле демонстрирует направления метафорического переосмысления исходных образов, а также показывает реализованный ими тропеический потенциал, особо выделяющий, среди прочих, МОП с вершинами *есть* (75 образных единиц), *печь* (35), *варить* (20), *сладкий* (19), *кипеть* (15), *сосать* (15), *масло* (15), *соль* (15), *каша* (13), *хлеб* (13). Не менее значимым следует считать трехаспектное описание единиц, входящих в ОЛФП «Еда / Пища». План такого описания передает движение исследовательской мысли от единиц, в прямом значении называющих характерные для национальной пищевой традиции явления, к метафорически мотивированным единицам и метаязыковым выражениям, задействованным в процедуре смысловой идентификации и толкования образных номинаций.

Понятийный уровень ОЛФП «Еда / Пища» – необходимый объект для осмысления конгломерата образных выражений, созданных посредством глуттонической метафоры. По замыслу автора, его распрямлению способствует концептуальный анализ поля, предполагающий выявление, во-первых, «когнитивной структуры исходного концепта из области-донора, обозначенного интегральной единицей поля»; во-вторых, «концептуальной структуры типовых образных представлений и их ценностных ориентаций»; в-третьих, «системы предметных образов-эталонов, представлений атрибутивного, процессуально-динамического характера, интерпретирующих фрагмент внеязыковой действительности в границах, заданных интегральной единицей поля» [Там же. С. 64]. Как следует из указанного перечня процедур, все они связаны с оперированием единицами, моделирующими либо знания членов языкового коллектива о еде как релевантном социо- и лингвокультурном понятии и как источнике (доноре) для пополнения образной системы языка (этой задаче отвечает концептуальная, или сценарная, структура исходного мегаконцепта), либо те ментальные преобразования, которые производит субъект над совокупностью образов опыта (этой цели служат когнитивная метафорическая модель и – менее обобщенно – образное представление, а также образное значение). Что касается концептуальной структуры ОЛФП «Еда / Пища», то она включает в себя знания (стереотипные представления) о приготовлении (*варить*), поглощении (*есть*) и кормлении (*кормить*) с включенными в них субъектами гастрономической деятельности (*повар, едок*) и их состояниями (*голод, жажда, сытый*), продуктами (*моло-*

ко), блюдами (*каша*), инструментами (*чашка*), локусами (*кухня*) и обстоятельствами протекания процессов приготовления и поглощения пищи (*расти на дрожжах, подавать под соусом*). В свою очередь, объективированные элементы данной структуры подвергаются ментальным преобразованиям, что передается образным значением вторичной номинации, отражающим типовое образное представление определенной лингвокультуры, базирующееся на когнитивных метафорических моделях. Например, слово *крупа* имеет переносное значение *‘снег в виде мелких круглых крупинок’*, заданное образным представлением *<предмет округлой формы, очень мелкий и плотный, выглядит так же, как очень мелкая составная часть продукта питания (крупа, зерно, крошка)>*, подразумевающим частную метафорическую модель *<предмет – это продукт питания>* и базовую метафорическую модель *<не-что – это еда>*.

Таким образом, предложенный автором подход и обеспечивающий его аппарат научного описания в полной мере убеждают нас в том, что для моделирования ОЛФП «Еда / Пища» оправданно комбинирование методик семасиологического и когнитивного анализа. В первом случае в область изучения включается максимальное число образных лексико-фразеологических средств, отсылающих к кулинарному коду национальной лингвокультуры¹; во втором случае образная система представляется как возможность доступа к знаниям языкового коллектива о глубинной структуре исходного лексического множества, а также как отображение ментальных механизмов, преобразующих первичный языковой код.

Доказательство плодотворности семасиологического и когнитивного подходов к исследованию образного строя русской лингвокультуры находим во второй главе «Концептуальная сфера “Еда” как источник метафорических образов» и в третьей главе «Образ мира в зеркале кулинарной метафоры» рецензируемой монографии, что воплощено в интерпретациях ОЛФП «Еда / Пища» как в аспекте исходного мотивирующего поля (поля-донора), так и с точки зрения образного метафорического поля (поля-мишени).

Приведем основные выводы, раскрывающие весомость полученных исследователем результатов.

По наблюдениям Е.А. Юриной, концептуальная структура исходного мотивирующего поля «Еда / Пища» объективирована совокупностью трех подполей и набором конкретизирующих их микрополей. Так, для подполя «Приготовление пищи» значимы микрополя «Кулинар», «Кухня», «Кухонные принадлежности», «Процесс приготовления пищи»; для подполя «Продукты, блюда и напитки» – микрополя «Продукты растительного происхождения», «Продукты животного происхождения», «Продукты, полученные в результате первичной кулинарной обработки», «Гастрономические изделия и блюда, полученные в результате кулинарной обработки продуктов питания», «Ферментные и химические вещества неорганического и органического происхождения, а также приправы, используемые в кулинарии», «Качество и

¹ Согласно приведенным в работе подсчетам, ОЛФП «Еда / Пища» насчитывает 876 образных единиц: 557 метафор, 85 собственно образных слов и 234 фразеологические единицы, метафорически репрезентирующие первичные чувственные образы гастрономической сферы [11. С. 71].

вкус пищи»; для подполя «Поглощение пищи» – микрополя «Едок», «Место поглощения и процесс подачи блюда к столу», «Процесс поглощения пищи», «Кормление», «Остатки пищи». Кроме того, иерархия полевых образований индивидуализируется посредством эксплицирующих её единиц – МОП, а также единичных образных выражений. Пример микрополя «Продукты животного происхождения» дает полное представление о том, какие метафорические номинации описываются в контексте определяющего их полевого ранга. Это номинации, входящие в состав МОП *молоко*: *как парное молоко, детишкам на молочишко, молоко на губах не обсохло, в молоко попасть, молочный, молочные реки, кисельные берега, молочница, млечный, Млечный Путь, молокосос*; МОП *мед*: *не мед (характер), не мед (жизнь), жизнь медом не казалась, не жизнь, а мед, медом намазано, медовый (голос), медовый месяц (счастливое время), медовый месяц (первый месяц после свадьбы), медоточивый*; МОП *мясо*: *мясо, с мясом, пушечное мясо, ни рыба ни мясо, мясистый*; МОП *яйцо*: *яйцо, яйцевидный, как яйцо, яйца выеденного не стоит*, а также образные единицы, не имеющие МОП или входящие в МОП других микрополей: *как сельди в бочке, сушеная вобла, туша*.

Рассмотрение ОЛФП «Еда / Пища» с точки зрения метафорических проекций позволяет охарактеризовать те сферы, в которые осуществляется тропеический перенос. Исследование показало, что по количеству метафорических проекций на первом месте находятся реципиентные сферы «Социум» и «Человек», поскольку на них направлен процесс метафоризации из всех исходных областей сферы-донора «Еда»; на втором – реципиентная сфера «Артефакты», на третьем – «Натурфакты». Остальные сферы-мишени, такие как «Запах», «Животный мир» и «Время», принимают меньшее число метафорических моделей из сферы-донора. При этом рейтинг метафорической активности донорских сфер выглядит следующим образом: «Кулинарные изделия и блюда», «Поглощение пищи» (они выступают источниками для 6 образных метафорических подполей), «Кухонные принадлежности» (для 5 образных метафорических подполей), «Вкус и качество пищи» (для 4 образных метафорических подполей), «Едок», «Приготовление пищи» (для 3 образных метафорических подполей), «Кормление», «Остатки пищи», «Химические и ферментативные вещества», «Кухня», «Кулинар», «Подача пищи к столу» (для 2 образных метафорических подполей).

Следует признать, что результаты исследования, отраженные во второй и третьей главах монографии, как раз подтверждают когнитивный поворот в метафорологической теории, последовательно и весьма успешно развиваемой Е.А. Юриной, и указывают на мотивированность кулинарных метафор ментальными феноменами, из которых особого внимания заслуживают специфичные знаниевые структуры и концептуальные модели переноса по подобию / аналогии.

Четвертая глава придает исследованию перспективный характер, так как демонстрирует приложимость предлагаемой теории метафоры к лексикографической проблематике – составлению модели словаря кулинарной метафоры, по замыслу автора являющегося дифференциальным, а также сочетающего идеографический, гнездовой и парадигмный принципы представления лексики. Обозначенная макроструктура словаря, особенности его разделов, а

также структура словарных статей пробуждают надежду на то, что в скором времени филологическому сообществу будет представлен интересный и современный лексикографический продукт, информирующий о метафорическом своеобразии русской лингвокультуры.

Итак, по актуальности разработанных проблем теории метафоры; по значимости результатов для решения теоретических задач в области моделирования образных систем языка; по прикладной ценности исследования, определяющей контуры будущего словаря кулинарных метафор, отвечающего духу современной культурологической и антропоцентрической лексикографии; по новизне полученного знания о составе образного лексикофразеологического поля «Еда / Пища», его глубинной структуре и концептуальных моделях метафорического переноса рецензируемая монография представляет научный и практический интерес. Содержащиеся в книге любопытные лингвистические и культурологические факты, продемонстрированный автором легкий и увлекательный стиль изложения делают её полезной и для специалистов-филологов, и для всех тех, кто интересуется языковой образностью.

Р.С. Продумывая материал рецензии, её автор не избежал соблазна попробовать собственные силы в качестве творца кулинарной метафоры – метафоры, которая, довольствуясь установлением гастрономических подобий, наглядно объяснила бы суть теории, излагаемой в монографии Е.А. Юриной. Как мне представляется, наиболее подходящий аналог для феномена метафоры можно позаимствовать из микрополя «Ферментные и химические вещества неорганического и органического происхождения, а также приправы, используемые в кулинарии». *Метафоры – это приправы*, раскрывающие вкус тех «продуктов», которые они дополняют. Какими бы метафоры ни были, их облагораживающий вкус и сдабривающий эффект достойны того, чтобы быть познанными в национальных лингвокультурах.

Литература

1. *Филострат Старший*. Жизнь Аполлония Тианского // Памятники поздней античной поэзии и прозы II–V веков. М., 1964.
2. *Старобинский Ж.* К понятию воображения: веки истории // Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 69–84.
3. *Кондильяк Э.Б. де*. Опыт о происхождении человеческих знаний: сочинения: в 3 т. М., 1980. Т. 1.
4. *Блонский П.П.* Память и мышление. СПб., 2001.
5. *Гумбольдт В. фон*. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
6. *Гачев Г.Д.* Воображение и мышление. М., 2006.
7. *Gibbs R.W.* The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding. Cambridge, 1994.
8. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М., 1976.
9. *Burke K.* A Grammar of Motives. N.Y., 1945.
10. *Вико Дж.* Основания Новой науки. Москва; Киев, 1994.
11. *Юрина Е.А.* Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау, 2013.

П.А. Катыхов

NOBLE TASTE OF METAPHORS. BOOK REVIEW: YURINA, E.A. (2013) *VKUSNYE METAFORY: PISHCHEVAYA TRADITSIYA V ZERKALE YAZYKOVYKH OBRAZOV* [DELICIOUS METAPHORS: FOOD TRADITION IN THE MIRROR OF LANGUAGE IMAGES].

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 4(36), pp. 190–198.

DOI 10.17223/19986645/36/15

Katyshchev Pavel A., Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: katpa@rambler.ru

References

1. Philostratus the Elder. (1964) *Zhizn' Apolloniya Tianskogo* [Life of Apollonius of Tyana]. In: Grabar'-Passek, M.E. (ed.) *Pamyatniki pozdney antichnoy poezii i prozy II-V vekov* [Monuments of late Ancient poetry and prose of the second – fifth centuries]. Moscow: Nauka.
2. Starobinskiy, Zh. (2002) *K ponyatiyu voobrazheniya: vekhi istorii* [The concept of imagination: milestones in history]. In: Starobinskiy, Zh. *Poeziya i znanie: Istoriya literatury i kul'tury* [Poetry and knowledge: history of literature and culture]. V. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Condillac, E.B. de. (1980) *Opyt o proiskhozhdenii chelovecheskikh znaniy: sochineniya v 3-kh tomakh* [The experience of the origin of human knowledge: essays in 3 volumes]. Translated from French. V. 1. Moscow: Mysl'.
4. Blonskiy, P. P. (2001) *Pamyat' i myshlenie* [Memory and thinking]. St. Petersburg: Piter.
5. Humboldt, W. Von. (1984) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Moscow: Progress.
6. Gachev, G.D. (2006) *Voobrazhenie i myshlenie* [Imagination and thinking]. Moscow: Vuzovskaya kniga.
7. Gibbs, R.W. (1994) *The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Potebnya, A.A. (1976) *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Moscow: Iskusstvo.
9. Burke, K. (1945) *A Grammar of Motives*. New York: Prentice-Hall.
10. Vico, G. (1994) *Osnovaniya Novoy nauki* [Grounds of the New Science]. Moscow – Kiev: REFLbook—ISA.
11. Yurina, E.A. (2013) *Vkusnye metafory: pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov* [Delicious metaphors: food tradition in the mirror of language images]. Kokshetau: Keleshek 2030.